

EDWARD LIPÍŃSKI. *The Aramaeans. Their Ancient History, Culture, Religion* (Orientalia Lovaniensia Analecta 100). Peeters Publishers. Leuven, 2000. 697 p., ill.

**А**рамеи занимают особое место в истории древнего Востока: хотя они и не создали сколько-нибудь крупных государств и не играли выдающейся политической роли, тем не менее им принадлежит исключительная заслуга в распространении легко доступного алфавитного письма и установлении в I тыс. до н.э. единой государственной канцелярии на огромной территории от Египта до Индии. Исследованию древней истории, социальных институтов, культурных и правовых традиций и религии многочисленных арамейских племен посвящен фундаментальный труд известного семитолога Эдварда Липинского. Книга богато снабжена многочисленными, большей частью цветными иллюстрациями и картами. Она охватывает период начиная с первых упоминаний арамеев в письменных источниках в последней трети II тыс. до VIII–VII вв. до н.э., когда эти племена потеряли свою независимость и были включены в состав Ассирийской державы. В основу исследования легли древнеарамейские надписи, ассиро-вавилонские клинописные тексты и другие многочисленные письменные источники, а также археологические данные. В исторические времена эти племена занимали Сирию, Юго-Восточную часть Малой Азии и окраины Месопотамии. Основная часть книги (главы 3–13) содержит изложение исторических событий в различных арамейских государствах, начиная с территории Среднего Евфрата и кончая регионом Дамаска. Прослеживаются также связи арамеев с халдеями и североаравийскими племенами. Остановимся кратко на некоторых основных выводах автора.

Топоним *Aramu*, к которому восходит название арамеев, засвидетельствован еще около XXIII в. на территории древнего семитского государства Эблы, но нам неизвестно, на каком языке там говорили. Начиная с протоисторических времен до середины I тыс. до н.э. арамеи вели полукочевой образ жизни, чередуя пастушество с полуседлым земледелием, и стремились утвердиться на границах засушливого земледельческого ареала и пустыни. Само название «арамеи» впервые неоспоримо засвидетельствовано в надписях ассирийского царя Тиглатпаласара I (1114–1076), которые изображают его усмирителем племен «*ахламу* страны арамеев», обитавших на территории от Суху до города Каркемиш, т.е. вдоль среднего течения Евфрата. Ахламу, по всей вероятности, было не названием какой-либо этнической или лингвистической группы, а скорее обозначением кочевников, которые совершали набеги с целью захвата добычи. Среди подобных кочевников были также племена сутиев, которые жили к западу и юго-западу от Месопотамии, в то время как основные центры арамеев были расположены в Верхней Месопотамии. Все эти племена трудно было отличать друг от друга, и поэтому те и другие могли быть названы *ахламу*. Однако в I тыс. до н.э. сутии утратили свое былое значение.

К концу XIII в. до н.э. на территории Передней Азии начался глубокий экологический и демографический кризис, который вызвал длительный упадок месопотамских государств. В результате этого кризиса XI–IX вв. стали периодом наибольшей экспансии арамеев в Нижней Месопотамии. Лишь в конце X в. Ассирия начала снова возрождаться. В это время на границах Ассирии арамеи составляли маленькие княжества, расположенные в Верхней Месопотамии и Сирии. Столица одного из них находилась в городе Нисибин. Ассирийские источники называют эту группу арамеев теманитами. Они составляли многочисленный народ, осевший на этой территории еще в X в. и постепенно превратившийся во внушительного врага Ассирии, которая смогла покорить их лишь в 896 г. до н.э. Столицей Бет-Заммани, другого арамейского государства, был город Амида (совр. Диарбакыр) на правом берегу Тигра. Первое упоминание о нем относится к XIII в., и лишь в последней трети IX в. оно было включено в состав Ассирийской державы. В районе Среднего Евфрата было расположено значительное государство Бет-Ардини, которое ассирийцы захватили лишь после четырех походов в 853 г. Еще одно государство было основано арамеями в конце X в. в Северной Сирии со столицей в Арпаде. Современный город Хама на реке Оронт в Центральной Сирии сохранил название древнего арамейского государства Хамат, территория которого оставалась в составе Ассирийской державы вплоть до ее полного крушения в конце VII в. Ассирийские и библейские тексты упоминают еще одно арамейское государство под названием Арам-Дамаск в Южной Сирии, которое существовало там в X–VIII вв. и было преобразовано в 732 г. в ассирийскую провинцию со столицей в Дамаске.

Отдельная, 14-я глава посвящена арамейским племенам, обитавшим в Вавилонии. Впервые они там упоминаются в XI в., когда они совместно с сугиями стали вторгаться туда с севера и северо-запада и грабить вавилонские города. В течение IX в. арамеи и североаравийские племена заняли районы вокруг Диялы. Ассирийские источники редко отличают эти племена друг от друга. Историю арамеев (особенно тех, которые обитали вдоль Нижнего Тигра и в районе Сиппара) в VIII–VII вв. трудно отделить от истории живших в тех же районах североаравийских племен, называемых в ассирийских источниках «арамеями». Согласно одной надписи Тиглатпаласара III, в 745 г. он покорил более 35 «арамейских» племен, осевших на окраинах Вавилонии. Однако ему и его преемникам приходилось снова и снова усмирять их. В 703 г. Синаххериб депортировал в Ассирию из ряда районов Вавилонии 208000 «арамеев».

В IX в. халдейские племена стали селиться в болотистой части Евфрата на юге Вавилонии. Эти халдеи в союзе с арамеями, вавилонянами, эламитами и некоторыми североаравийскими племенами вели войны с ассирийцами.

Начиная с последних десятилетий IX в. вавилонские, ассирийские и библейские тексты стали ясно различать термины «арамей» и «халдей». В связи с этим возникает вопрос, было ли это различие основано на этнолингвистических, на культурно-исторических или на социально-экономических факторах. Другими словами, принадлежали ли халдеи и арамеи к одной и той же этнической ветви или же их близость была основана на сходстве культурных и социальных традиций? Автор книги полагает, что большинство так называемых «арамейских» племен Южной и Юго-Восточной Вавилонии было арабского происхождения, но их называли арамеями, исходя из характерного для последних полукочевого образа жизни. Что же касается халдеев, о них нам ничего достоверно неизвестно до того времени, когда они поселились в Южной Вавилонии в начале IX в. Поскольку не сохранилось никаких текстов на «халдейском» языке, вопрос об этнической принадлежности этих племен можно попытаться решить лишь на основе анализа их племенных, родовых и собственных имен, а также отдельных слов в письмах, составленных халдеями на аккадском языке. Однако большинство засвидетельствованных в аккадских источниках собственных имен являются ассиро-вавилонскими, а остальные (их всего около дюжины) могут быть объяснены из арамейского языка. Поэтому автор книги полагает, что халдеи были частью арамейских племен (с. 417–422). Со временем халдеи были вавилонизированы и полностью включились в местную социальную, политическую и экономическую жизнь. Тем не менее они продолжали сохранять свою древнюю племенную структуру и этническую целостность. В отличие от Верхней Месопотамии и Сирии, арамеи Вавилонии не смогли создать свои собственные государства, но зато страна стала постепенно подвергаться арамеизации, хотя этот процесс так и не завершился полностью до конца древней истории. При этом начиная с VIII в. под влиянием арамеев в Вавилонии стала широко распространяться практика составления документов на арамейском языке на коже и папирусе.

Арамейское право нам известно из юридических документов VII в. из Ассирии, Сирии и Вавилонии, написанных на глиняных табличках, а также из более поздних частноправовых документов из Египта и Самарии. Сохранились также международные договоры, заключенные арамеями во второй четверти VIII в. Религия арамеев нам известна лишь в общих чертах. Главой арамейского пантеона в Сирии был бог грома Хадад, имя которого часто встречается в составе царских теофорных имен. Культ бога Луны Сина занимал важное место в религии арамеев Верхней Месопотамии и Северной Сирии. Бог Солнца Шамаш не играл значительной роли у арамеев и редко упоминается в их надписях. Однако в текстах из Месопотамии засвидетельствовано много арамейских теофорных имен, в состав которых входит компонент *šamaš*, что, очевидно, объясняется влиянием вавилонского пантеона. Большое значение в религии арамеев имел культ предков. Например, на одной погребальной стеле из сирийской области Нейраб изображен вкушающий еду жрец, а сопроводительная надпись поясняет, что во время трапезы он видел свое четвертое поколение, которое держало траур по нему.

Рецензируемая книга, вероятно, надолго останется самым основательным трудом по истории и культуре арамейских и близко родственных им народов Передней Азии, в котором исчерпывающим образом исследованы разнообразные и разноязычные источники с учетом всей предшествующей литературы на многих языках, включая русский. К тому же в полиграфическом отношении книга издана превосходно.

\* \* \*

\*

*IRA SPAR, EVA von DASSOW. Private Archive Texts from the First Millennium B.C. (Cuneiform Texts in the Metropolitan Museum of Art, vol. III). New York, 2000. CIV + 304 p., 126 pl.*

**К**линописная коллекция Метрополитен-музея состоит приблизительно из 600 месопотамских деловых и административных документов, литературных текстов и царских надписей, которые были приобретены на антикварном рынке в основном в 70–80 годах XIX в. Они публикуются в четырех томах большого формата, из которых вышедший в 1988 г. первый том содержит 120 торговых и юридических документов, а также царских надписей III–II тыс. до н.э. Второй том, где воспроизведены литературные и научные тексты, главным образом I тыс. до н.э., находится в печати. Четвертый том, над составлением которого работа еще не закончена, будет посвящен табличкам из храмовых архивов Вавилонии I тыс. до н.э., а также надписям вавилонских и ассирийских царей того же периода. Рецензируемый том включает 164 хозяйственных и частноправовых документа, которые знакомят нас с коммерческими и другими сделками ряда индивидуумов. Приблизительно половина этих текстов была опубликована еще в 1893 г. А. Молденке в форме типографской клинописи с транслитерацией и переводами, однако это издание к настоящему времени сильно устарело. Правда, те же тексты в 1977 г. были переизданы Ж.А. Делане, но их оригиналы остались ему недоступны. В рассматриваемом нами здесь томе тексты даны в автографии (прорисовках), транслитерации, переводах и выборочно в фотографиях и сопровождаются комментариями, рассчитанными не только на специалистов, но и на более широкий круг читателей. Кроме того, в томе воспроизведены также четыре ассирийских частноправовых документа VII в. до н.э., в основном из Ниппура, подготовленных к печати Дж.Н. Постгейтом.

В обширном введении обстоятельно рассмотрены история приобретения упомянутой коллекции, практика составления клинописных документов и скрепления их печатями и перстнями. Далее следуют каталог табличек с указанием мест и дат составления соответствующих документов, указатели собственных имен и топонимов, меры веса, объема и т.д. К сожалению, издатели не сочли необходимым составление указателя терминов социальной лексики, профессий и титулов различных чиновников.

Хотя археологический контекст рассматриваемых документов нам не известен, на основе из критериев внутреннего содержания значительная часть текстов может быть распределена на семь семейных архивов. В частности, в 29 табличках VII–V вв. представлены пять поколений знаменитого предпринимательского дома Эгиби. Это в основном различные контракты, долговые расписки, протоколы юридических расследований, документы об аренде земли, домов и т.д.

Ниже будут рассмотрены некоторые документы почти исключительно из тех, которые публикуются впервые и представляют значительный интерес. По свидетельству одного текста, три лица берут в беспроцентную ссуду на неделю две мины серебра и поручаются друг за друга в том, что она будет погашена в срок. В противном случае должники обязуются платить за каждый день просрочки весьма высокий процент – 1/2 сикля серебра (обычный долговой процент в древней Месопотамии составлял 20 % в год, т.е. 1 сикль серебра в месяц на одну мину). При этом один из должников является писцом самой расписки (№ 8. Вавилон, 627 г.). В другом документе отмечается, что «любые долговые расписки на серебро, ячмень и финики относительно долга за Набу-апла-иддином, какие могут быть обнаружены в доме Зерии или его братьев, будут принадлежать Набу-апла-иддину, ибо серебро уже уплачено» (№ 17. Вавилон, 550 г.). В третьем документе фиксируется выдача 28 сиклей серебра в качестве беспроцентной ссуды брату кредитора (№ 23. Вавилон, 591 г.). «30 сиклей серебра, принадлежащие Банат-Эсагил, дочери Набу-шум-иддина, являются долгом за Бания, сыном Набу-шум-иддина, и его женой Рамуа. Серебро это является наемной платой (рабыни по имени) Симуну... В течение трех лет они должны ежегодно платить по 10 сиклей...» (№ 52. Вавилон, 550 г.). Как видно из этого текста, Банат-Эсагил отдала рабыню внаем своему брату на три года за 10 сиклей ежегодной платы. Интересно отметить, что последний сам являлся составителем документа.

Часть текстов фиксирует доставку арендной платы с финиковых рощ и зерновых полей. Например, один арендатор должен был уплатить 66 кур (1 кур = 180 л) фиников в месяце ташриту (сентябрь/октябрь), когда они созревали (№ 28). Документ из архива храма Эбббарра в Сиппаре (№ 92) фиксирует сдачу в 501 г. зернового поля в 8 кур посевной площади (1 кур = 1.35 га), «собственности бога Шамаша» в аренду некоему Набу-убаллиту. Арендодателями выступают

главный жрец города Сиппара, три клинописных писца упомянутого храма и один писец на коже. «От всего, что будет взращено там, Набу-убаллит должен отдать половину, не считая (храмовой) десятины, (в качестве) доли бога Шамаша. А если он не станет возделывать (это) поле, то должен доставлять [арендную плату] в соответствии (с урожаем) на соседних (полях)».

Ряд текстов касается выполнения обязанностей по пребенде для приготовления жертвенных обедов для богов. Например, некий Лабаши нанял человека для выпечки хлеба на трапезу для бога Набу. «С первого дня месяца арахсамна до конца месяца тебету (т.е. в течение трех месяцев, с октября по декабрь) он должен молотить (муку) и доставлять (хлеб)». При этом необходимый для помола ячмень должен был доставлять сам Лабаши. Всего предполагалось выдать 198 л, из которых 90 л предназначались для жертвенного хлеба, а остальное, очевидно, являлось вознаграждением работника за его услуги (№ 38. Вавилон, 523 г.).

№ 62, составленный в Вавилоне в 524, т.е. в следующем после захвата Египта Камбизом году, является дубликатом давно известного документа, согласно которому некий Иддин-Мардук продал «рабыню – египтянку, добычу своего лука», и ее трехмесячную дочь за 2 мины серебра, «за полную цену», Итти-Мардук-балагу из дома Эгиби. Очевидно, она была уведена в Месопотамию одним из вавилонских воинов, принимавших участие в походе на Египет. По свидетельству № 69, другой член той же семьи Эгиби отдал внаем своего раба – портного за определенное количество ячменя (цифра отбита) рабу третьего лица.

Значительный интерес представляет следующая табличка, часть которой находится в Метрополитен-музее, а другая – в Британском музее (для настоящего издания табличка из Британского музея была доставлена в Нью-Йорк и временно соединена с ее недостающей частью). В тексте говорится, что «Бел-кацир, сын Надина, потомка Эсагилая, сказал своему отцу Надину, сыну Зерии, потомка Эсагилая, следующее: “Ты послал меня в дом (одного) свободного человека (для поиска жены), и я женился на Зуннайя, однако она не родила (мне) ни сына, ни дочери. (Поэтому) разреши мне усыновить Бел-усата, сына моей жены Зуннайя, которого она родила своему предыдущему мужу Никуду из семьи Нур-Сина. Пусть он будет моим сыном. Пожалуйста, присутствуй при составлении документа о его усыновлении и передай на него наши пребенды и (другое) наше имущество, сколько его имеется, скрепив документ печатью. Пусть он будет моим сыном, который станет поддерживать нас”. Однако Надин не согласился с тем, что его сын Бел-кацир предложил ему. Чтобы никто в будущем не смог овладеть этими пребендами и (другим) имуществом, Надин составил документ, которым связал руки своему сыну, заявив при этом следующее: “Когда Надин умрет, если у его сына к тому времени появится родной сын, последний может взять пребенды и (другое) имущество Надина... Если у него не будет родного сына, Бел-кацир должен усыновить своего брата и наследника. Пребенды и имущество Надина, его отца, будут принадлежать ему. Бел-кацир не может усыновить никого другого, кроме своего брата”» (№ 102. Вавилон, 547 г.).

Некоторое представление о практике усыновления дает и документ № 53, составленный в 546 г. в Вавилоне. В нем отмечается, что «Шумукин... добровольно передал в усыновление своего сына Калбаю, сына сестры Набу-аххе-иддина, [которого] Набу-аххе-иддин вырастил, начиная еще с детского возраста, и обучил его читать и писать таблички...». Здесь речь идет об усыновлении главой предпринимательского дома Эгиби Набу-аххе-иддином своего племянника. Как отмечают издатели, последний не упоминается ни в одном из документов о разделе имущества между тремя родными сыновьями его приемного отца. Очевидно, с самого начала предполагалось, что Калбайя ничего не получит в наследство, и поэтому ему было дано писцовое образование, которое должно было обеспечить безбедное существование (ср. с. 110).

В № 122, составленном в 495 г. в Вавилоне в присутствии семи человек, речь идет о возвращении весьма значительного приданого некоей Амтии ее отцу. Оно состояло из семи мин серебра, трех рабынь и домашней утвари. Кроме того, как видно из текста, предполагалось, что отец Амтии отдаст ее свекру еще три мины серебра. Сверх этого приданого, в документе речь идет еще об одной рабыне, которая совершила побег из дома мужа Амтии. «Где бы она ни была обнаружена, она должна принадлежать Амтии». Очевидно, эта рабыня не входила в состав приданого, но тем не менее Амтия взяла ее с собой в дом мужа. Как полагают издатели, причиной возвращения приданого послужили смерть мужа и отсутствие у него детей от Амтии (см. с. 248).

№ 100 фиксирует выдачу одному ремесленнику 19 сиклей (около 158 г) золота для отделки кинжала (Вавилон, 560 г.). В № 74, составленном в одном из предместий Вавилона в 565 г., впервые засвидетельствована уплата пошлины с рыбы, предназначенной для продажи в столице страны: два препринимателя «должны уплатить 7 сиклей серебра – портовую пошлину на рыбу – управляющему пристанью».

В особую группу можно выделить четыре документа из семейного архива вавилонянина Иддин-Набу, сына Набу-бан-зера, потомка Наппаху (№ 95–98). Этот архив, насчитывающий более 250 документов, исследован рецензентом (см. ВДИ. 2001. № 2. С. 3–16). Остановимся на трех новых документах этого архива. В частично разрушенном № 96 говорится о заявлении упомянутого выше Иддин-Набу о клевете каких-то лиц на некоего Арад-Нергала. Насколько можно понять из плохо сохранившегося текста, клевета эта состояла в том, что он будто бы не дежурил в храме, где у Иддин-Набу была пребенда. № 97 – контракт, по свидетельству которого в 514 г. Иддин-Набу сдал в аренду дом в Вавилоне за 18 сиклей серебра в год. В № 98 упоминается долговая расписка на 55 сиклей серебра, составленная на имя Шеллиби, сына Иддин-Набу. Должником выступает некий Римут-Набу. Как отмечается в тексте, «это серебро принадлежит Эрибе, сыну Иддин-Набу, ... а Шеллиби не имеет доли в нем. Документ (составлен на имя Шеллиби) по просьбе Эрибы. Шеллиби обязан отметить эту долговую расписку... у Римут-Набу и отдать Эрибе». Предположение издателей, что Эриба, сын Иддин-Набу и брат Шеллиби, не упоминается ни в одном из до сих пор опубликованных документов (см. с. 204 и прим. 1), не соответствует действительности, ибо он давно был известен из трех документов как должник, арендатор земли и свидетель одной сделки (см. упомянутую выше статью рецензента в ВДИ. 2001. № 2. С. 14).

Наконец, в коллекции сохранилось также одно частное письмо, которое не содержит ни даты, ни места составления. Это – «письмо от Надин-аха к его сыну Римуту. Пусть боги Набу и Бел изрекут благополучие и здоровье моему сыну. Пусть мой сын знает, что дома совершенно нет ячменя. Пусть сын мой пришлет мне через знакомого корабельщика два или три кура (360–540 л) ячменя... У меня тяжелые долги... Ришат спрашивает относительно благополучия ее сына Римута» (№ 164).

В заключение отметим, что ассириологи и историки древней Месопотамии с благодарностью будут пользоваться рецензируемой книгой, которая является плодом многолетней упорной работы Айры Спа и Евы фон Дассов. Что же касается полиграфических достоинств книги, они адекватно отражают большие возможности Метрополитен-музея.

М. А. Дандамаев

© 2003 г.

*GÁBOR TÁKACS. Etymological Dictionary of Egyptian. Volume One: A Phonological Introduction. Brill. Leiden – Boston – Köln, 1999*

**Н**астоящая рецензия анализирует первый том давно анонсированной и с нетерпением ожидавшейся специалистами работы: этимологического словаря египетского языка. Автор книги – венгерский египтолог и специалист по сравнительному афразийскому языкознанию Габор Такач. Имя Г. Такача хорошо известно ученым, занимающимся этой и смежными областями: его перу принадлежит множество статей по египетской этимологии, так же как и ряд важных публикаций по чадской и общеафразийской проблематике. Как известно, этимологический анализ древнеегипетской лексики имеет огромное значение для афразийского языкознания, однако сопряжен с большими трудностями, главная из которых состоит в том, что египетская ветвь представлена только одним древнеписьменным языком. Отсутствие близкородственных языков делает невозможной ступенчатую реконструкцию в рамках ветви и предполагает непосредственное сравнение с другими (пра)языками афразийской семьи. Вполне очевидно, что такое сравнение представляет собой непростую и даже рискованную задачу. Общее впечатление от прочтения первого тома работы Г. Такача таково, что эта задача ему вполне по силам.

Как видно из заглавия первого тома, он представляет собой еще не часть словаря, но лишь введение к нему, обосновывающее предлагаемые автором принципы египетско-афразийского этимологического сравнения. Эти принципы в основном находятся в русле отечественной школы афразийского языкознания (представленной И.М. Дьяконовым, А.Ю. Милитаревым, А.Г. Беловой, О.В. Столбовой, В.Э. Орел и др.). Этому направлению противостоит так называемая ресслеровская школа или «новая компаративистика», чьи основы заложены выдающимся немецким семитологом и хамито-семитологом О. Ресслером. Критическому анализу важнейших положений ресслеровской школы посвящена специальная глава VII, где Г. Такач